

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1994 г. Ф.Д. АШНИН, В.М. АЛПАТОВ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО НАСЛЕДИЯ А.М. СУХОТИНА

Выдающийся советский лингвист Алексей Михайлович Сухотин (1888–1942) вошел в историю отечественного языкознания главным образом как один из основателей Московской фонологической школы (МФШ) и как блестящий интерпретатор классических трудов двух западных языковедов: "Курс общей лингвистики" Фердинанда де Соссюра (1857–1913) и "Язык. Введение в изучение речи" Эдуарда Сепира (1884–1939). Но случилось так, что о Сухотине-фонологе мы знаем очень мало, и это малое рассыпано в многочисленных попутных замечаниях в работах его соратников по МФШ (Р.И. Аванесова, П.С. Кузнецова, А.А. Реформатского и В.Н. Сидорова) и его учеников (например, в исследованиях М.В. Панова). М.В. Панов в своей книге "Русская фонетика" (М., 1967) на стр. 404 особо подчеркнул: "Человек исключительно широких лингвистических интересов, увлекающийся, живой, работавший сразу над множеством проблем, А.М. Сухотин был едва ли не в первую очередь фонологом".

Между тем у тюркологов и других востоковедов есть особые основания обратить пристальное внимание на печатное и рукописное наследие А.М. Сухотина: ученик Н.Ф. Яковлева (1892–1974), он в 1925 г. окончил Московский институт востоковедения им. Н.Н. Нариманова, в 1929 г. – аспирантуру при Институте национальных и этнических культур народов Востока и в качестве сотрудника Лингвистической комиссии Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем при КУТВе, Научно-исследовательского института языкознания Наркомпроса и ВЦК НА принял самое активное участие в языковом строительстве в СССР.

Отправным пунктом и краеугольным камнем в создании письменностей народов СССР явилась яковлевская "теория фонем". Последовательное применение этой теории и вытекающей из нее орфографической теории и сочетании с терминологической и словарной работой позволило создать к середине 30-х гг. письменности высокого научного достоинства для многих языков народов СССР, в первую очередь – тюркских, и в этом важном культурно-историческом деле немалую роль сыграл разносторонний лингвист А.М. Сухотин: в сфере его непосредственных интересов были азербайджанский, алтайский, казахский, киргизский, ногайский, татарский, тувинский, узбекский, уйгурский и другие тюркские языки.

Среди статей А.М. Сухотина по языковому строительству выделяются: "К вопросам алфавитной политики" ("Просвещение национальностей", М., 1930, № 4–5, с. 96–99), "К проблеме национально-лингвистического районирования в южной Сибири" ("Культура и письменность Востока", М., кн. 7–8, 1931, с. 93–108), "Спор об унификации алфавитов" ("Революция и письменность", М., 1932, № 1–2, с. 95–103), "Вопросы языкового строительства в журналах" ("Революция и письменность", М., 1932, № 3, с. 125–132), «Проблема "сокращенных слов" в языках СССР» ("Письменность и революция", М.–Л., 1933, № 1, с. 151–160), "О сокращении некоторых букв в ряде тюркских алфавитов" (там же, с. 137–141, совм. с К.К. Юдахиным), "Основные проблемы создания терминологии в национальных языках" ("Язык и письменность народов СССР. Стенографический отчет I Всесоюзного пленума Научного совета ВЦК НА. 15–19 февраля 1933 г.", М., 1933, с. 143–145).

Среди неопубликованных материалов, составляющих фонд № 454 в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве, большой интерес представляют: "Принципы построения орфографии (на материале турецких языков и на основе латинского алфавита)" (д. 10), конспект лекции, ряд тезисов и машинопись статьи о состоянии работы и путях развития терминологии в национальных языках (д. 12–15) и целый ряд работ по теоретическим и практическим вопросам встававшей на ноги русско-национальной

лексикографии, в том числе: тезисы "Принципы подачи русской части в русско-иноязычных словарях" (д. 33), "Инструкция к русско-тувинскому словарю" (д. 42), "Предварительный отзыв на русско-киргизский словарь" (д. 43), замечания на Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, Н.В. Юшманова (д. 44), а также отзывы на первые терминологические словари на языках народов СССР (д. 45). Эти основополагающие материалы А.М. Сухотина по теории национальной лексикографии и лексикологии нуждаются в специальном рассмотрении сквозь призму последующей реализации в словарной и терминологической практике. Но уже сегодня можно с полной уверенностью сказать, что увлечение А.М. Сухотина вопросами теории лексикографии и лексикологии, как и проблемами создания алфавитов и орфографий для языков народов СССР, явилось непосредственным ответом на насущные потребности языкового строительства в стране, вытекало из его приверженности к яковлевской теории фонем и было результатом творческого осмысления достижений лингвистической мысли Запада, нашедших наиболее концентрированное выражение в соссюрковском "Курсе общей лингвистики".

Тема "Н.Ф. Яковлев и А.М. Сухотин" может составить сюжет отдельной статьи¹: влияние учителя на ученика доступно наблюдению. Установить же, в чем выразилось воздействие на А.М. Сухотина западной лингвистической мысли, много труднее: здесь непосредственного влияния мы не только не прослеживаем в публикациях автора тех лет, но даже не встречаем простого упоминания имени знаменитого швейцарского ученого. Вместе с тем каждому, кто хоть раз внимательно прочел "Курс" в переводе А.М. Сухотина, становилось ясным, что это труд мастера, а не ремесленника, труд, при чтении которого забываешь о том, что оригинал написан на французском языке. Воистину редкий случай столь удачного сочетания блестящего знания языка оригинала, переводческого мастерства и глубокого проникновения в суть новаторского учения!

Предлагаемый читателю не опубликованный ранее текст А.М. Сухотина дает возможность выяснить отношение этого языковеда к труду, который ему предстояло перевести. Это тезисы, составленные А.М. Сухотиным по предложению руководителя аспирантского спецсеминария при Институте национальных и этнических культур народов Востока проф. Н.Ф. Яковлева и предназначавшиеся для предварительного ознакомления участников семинария. Сам доклад был сделан 14 февраля 1928 г., то есть за пять лет до издания "Курса" в переводе А.М. Сухотина. Кроме тезисов в ЦГАЛИ в том же фонде 454, д. 55, имеется реферат на 16 листах большого формата. Как тезисы, так и особенно реферат убеждают, что реферирование соссюрковского "Курса" было задумано в целях сопоставления взглядов московских фонологов со взглядами женеваского ученого и в интересах языкового строительства в СССР.

Тезисы показывают, что А.М. Сухотин четко выделял и признавал действительно ключевые пункты соссюрковской концепции: разграничение языка и речи, понимание языка как системы значимостей. Конечно, трудно согласиться с неприятием А.М. Сухотиным разделения синхронии и диахронии (этот пункт соссюрковской концепции не разделялся и многими другими лингвистами того времени, см., например, А. Мейе) и вряд ли можно безоговорочно считать, что Ф. де Соссюр целиком относил фонологию к лингвистике речи. В то же время к 1928 г. уже было ясно, что, как справедливо пишет А.М. Сухотин, "к теории фонем Соссюр подходит довольно близко, но в самый термин "фонема" вкладывает недостаточно ясное содержание и не делает всех вытекающих выводов". Участники семинария могли убедиться, что яковлевская теория фонем была надежным орудием в создании рациональных письменностей народов СССР, и оставалось только последовательно проводить ее в жизнь.

¹Некоторые данные об этом см. в нашей публикации: *Ашнин Ф.Д.* Полузабытые страницы из истории отечественной тюркологии (Алексей Михайлович Сухотин (1888–1942)) // Тюркологические исследования. М., 1976.